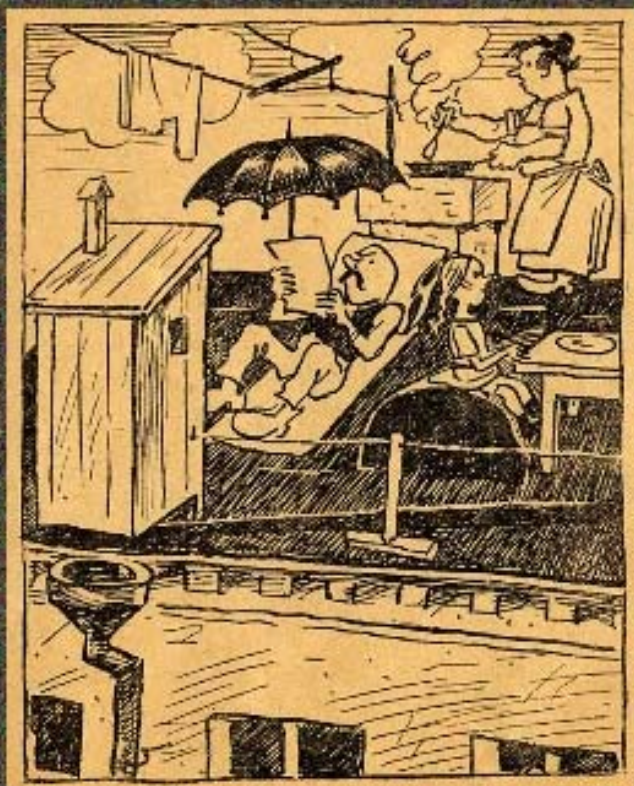

[Polaris]

Аркадий Такисяк
(К. Чуковский)

БОРОДУЛЯ

Советская авантюрно – фантастическая
проза 1920 – х гг.

Том I

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

XXIII

Salamandra P.V.V.

**Аркадий Такисяк
(Корней Чуковский)**

БОРОДУЛЯ

Кино-роман

Советская авантюрно-
фантастическая проза
1920-х гг.

Том I

Salamandra P.V.V.

Такияк А. (Чуковский К. И.).

Бородуля: Кино-роман (Советская авантюрно-фантастическая проза 1920-х гг.: Т. 1). Рис. Н. Радлова. Послесл. М. Фоменко. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2013. – 78 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. XXIII).

Гениальный ученый-самоучка, умеющий управлять погодой, зловредные фашисты и советские сыщики – в «кино-романе» К. Чуковского «Бородуля» (1925), беспабашной пародии на научно-фантастические и приключенческие романы эпохи.

«Бородуля», в котором Чуковский зашифровал горестные размышления о судьбе советского литератора, открывает в серии «Polaris» ряд публикаций советской авантюрно-фантастической прозы 1920-х гг.

БОРОДУЛЯ

Кино-роман

Часть первая

Безумное пророчество

Лето было душное и знойное. Ленинград умирал от жары. Все мечтали о дожде как о счастье. Вдруг на ленинградских заборах появились разноцветные бумажки, где было написано кривыми каракулями:

Дождь! Дождь!
В среду, 4 июля, ровно в 4 часа на Кировной
улице пойдет дождь

Жители Кировной улицы

З **АПАСАЙТЕСЬ**
АБЛАГОВРЕМЕННО
ОНТИКАМИ!

Бумажки были зеленые, синие, желтые. Почерк детский, но четкий. Под объявлением подпись: «Иван Бородуля».

Ленинградцы недоумевали. Что за вздор? Кому это вздумалось так нелепо мистифицировать их!

Милиции было велено срывать эти бумажки со стен. Газеты единодушно писали:

«— Предсказание Ивана Бородули — сумасшедшая выдумка!

— Иван Бородуля — душевнобольной!»

Академик Тетерев напечатал в «Вечерней Красной», что психиатрам отлично известно то душевное

заболевание, которым страдает несчастный Иван Боро-
дуля: плювиомания.

«Плювиоманы воображают себя знатоками тех мно-
госложных законов, которые управляют погодой. Они
с самой забавной пунктуальностью предсказывают за-
сухи, ливни, градопады, снегопады, ураганы, смерчи
и т. д. Нужно ли говорить о том, что их предсказания
никогда не сбываются!..»

Четвертое июля

Но назначенный день наступил — такой же неумо-
лимо горячий, как и все предыдущие дни. Бешеные
собаки по-прежнему кусали прохожих. Больницы по-
прежнему наполнялись людьми, пораженными сол-
нечным ударом.

Но вот в половине четвертого над Невою между
мостами Литейным и Троицким сама собою возникла
очень странная черная туча. Несколько минут висела
над рекой, как бы раздумывая, что предпринять, а по-
том (при полном безветрии) понеслась по направле-
нию к Кирочной.

Это было необыкновенное зрелище. Над одной
только улицей очень низко, почти задевая за трубы и
крыши, висит четырехугольная, узкая, точно ножом
обрезанная туча и явно ждет какого-то сигнала, что-
бы пролиться дождем.

На Кирочной улице стало темно и прохладно. На
Кирочную улицу сбежался народ.

— Алло, Раиса Николаевна, это вы? Бросайте все и
приезжайте на Кирочную!

— Алло, тов. Сизов, это вы? Бросайте все и приезжайте на Кирочную!

— Алло, Боря, Борис, это ты? Бросай все и приезжай на Кирочную!

Так звонили по всем телефонам обитатели Кирочной улицы своим родственникам, друзьям и знакомым. Скоро весь город знал, что пророчество Бородули сбывается. На всех автомобилях, грузовиках, велосипедах, трамваях, извозчиках и пешком, как угорелые, помчались по направлению к Кирочной молочницы, управдомы, фотографы, маляры, растратчики.

Наступило 4 часа. Едва только большая стрелка курантов Петропавловской крепости достигла двенадцати, сразу же на Кирочную улицу с веселым гудением хлынул дождь, да какой! Не ручьи, не потоки, а сплошной водопад: как будто над Кирочной улицей открылись колоссальные шлюзы.

С визгом и веселыми криками люди разбежались кто куда, шлепая по лужам, кувыркаясь и падая. Все промокли до костей, но были странно веселы, школьничали и болтали без умолку.

— Ну и дождина! Молодец Бородуля: чище господ бога работает!

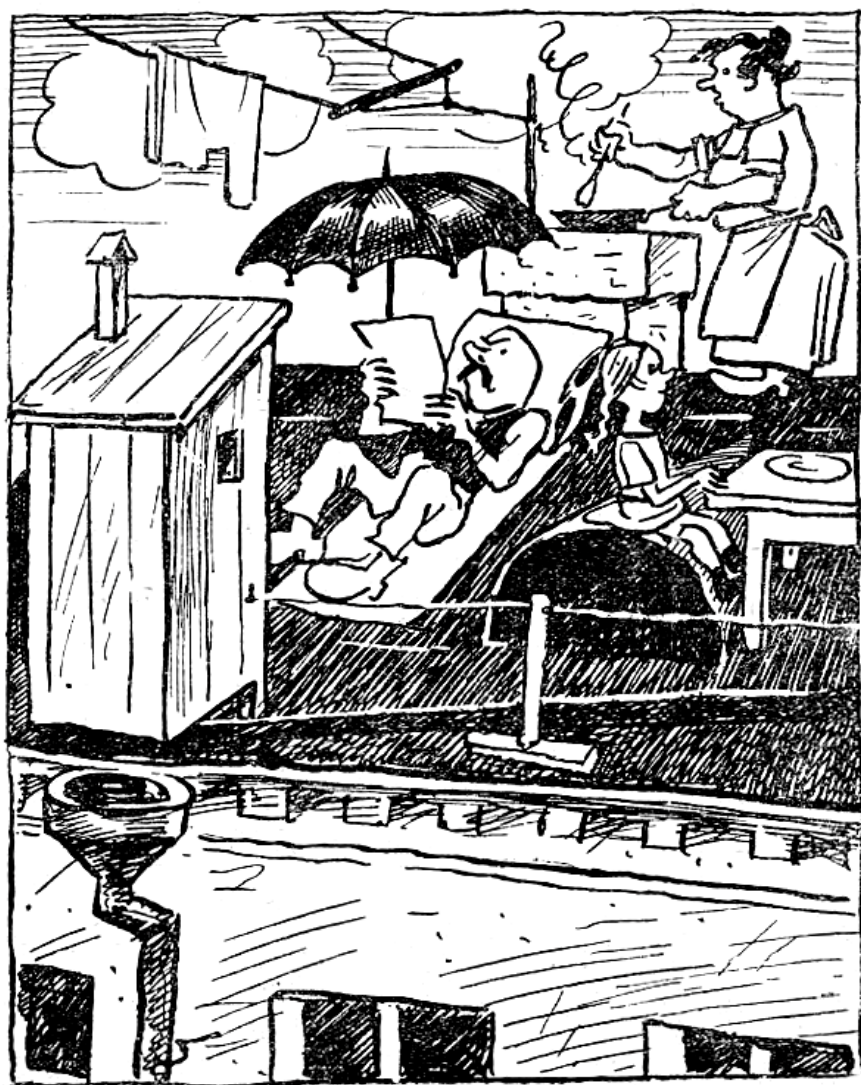
Но работал Бородуля недолго. Из какой-то подворотни кто-то тихо скомандовал:

— Сто-оп!

И дождь остановился моментально. Словно кто-то наверху одним движением руки закрыл колоссальные краны.

Солнце снова появилось над Кирочной.

Все сразу загалдели, закричали, запели и высыпали вновь на тротуары. Уличные мальчишки стали плескаться в лужах, обрызгивая многочисленных прохожих, которые и не думали сердиться на них.

— Браво, Иван Бородуля! — кричали промокшие, но веселые зрители.— Иван Бородуля, ура!

А в соседних улицах было жарко и пыльно по-прежнему. Над соседними улицами не выпало ни капли дождя.

...Один только Ян Шельмовский, вчера вечером прибывший из Варшавы, был почему-то весьма раздражен. Дождь на Кирочной улице не доставил ему никакого удовольствия...

Слава

На следующий день все газеты были полны Бородулей. Под заголовком «Успехи Советской Науки» приводились мнения двенадцати видных ученых, которые единодушно свидетельствовали, что вчерашний искусственный дождь на Кирочной улице знаменует собою новую эру в науке.

Академик Тетерев писал:

«...Зная состояние метеорологии на Западе и в нашем Отечестве, нельзя было ни минуты сомневаться в том, что предсказание Ивана Бородули исполнится. Русские пытливые умы уже с XVII века были заняты этой проблемой. Так, в 1538 году крепостной холоп воеводы Булдеева Ивашка Хряпунов заявил, что он может “облаки гонять, яко голуби”, но воевода Булдеев, враждебный интересам народа, отнесся к гениальному изобретению со зверской жестокостью. Ивашка был “бит батоги нещадно” и по вырывании ноздрей утоплен в реке Непрядве, “яко мытарь, блудодей и еретик”...»

Но Бородуля не подавал никаких признаков жизни.

«Пушка» объявила, что она обещает огромную премию тому, кто укажет местопребывание великого отшельника науки, но, хотя премия показалась каждому весьма привлекательной (пикейная жилетка из «Ленинградодежды»), ее не получил ни один человек, потому что, несмотря на все поиски, отыскать Ивана Бородулю не удалось никому.

Тайна

А в это время в Москве на Варварке знаменитый сыщик Бен Лейтес сидел у себя в конуре на шестом этаже и рассматривал в лупу такое письмо:

«Дорогая Матильда!

Спасибо Жеребцу: он любил свою дочь. Теперь таких могил уже не делают. Впрочем, скоро я перееду к генерал-лейтенанту Почтанникову, похороненному рядом со мною. Его могила в полном порядке. Нужно только провести электричество.

Канарейка здорова.

Пришлите мне валенки и шаровидную молнию. Скоро увидимся.

ИВАН БОРОДУЛЯ

Р. S. На случай припадка у меня есть отличный медведь».

До позднего вечера лежало это письмо перед Лейтесом, а Лейтес все еще не мог от него оторваться.

Его бескровные губы шептали:

— Медведь... Жеребец... Канарейка...

Бородуля в деревне

Это событие случилось в Новгородской губернии, в глухом захолустье, через несколько дней после искусственного дождя на Кирочной улице.

Жители в тех захолустных местах страдали все лето от бесконечных дождей, которые сулили им голод. Бабы плакали, шептались о чем-то и бегали глухими ночами в деревню Бубновку. В Бубновке жил Федька Утопленник — жирный и брюхатый юродивый, который, как верили бабы, умел «привораживать ведро». Бабы приносили ему кур и гусей, а он только лопотал одно слово:

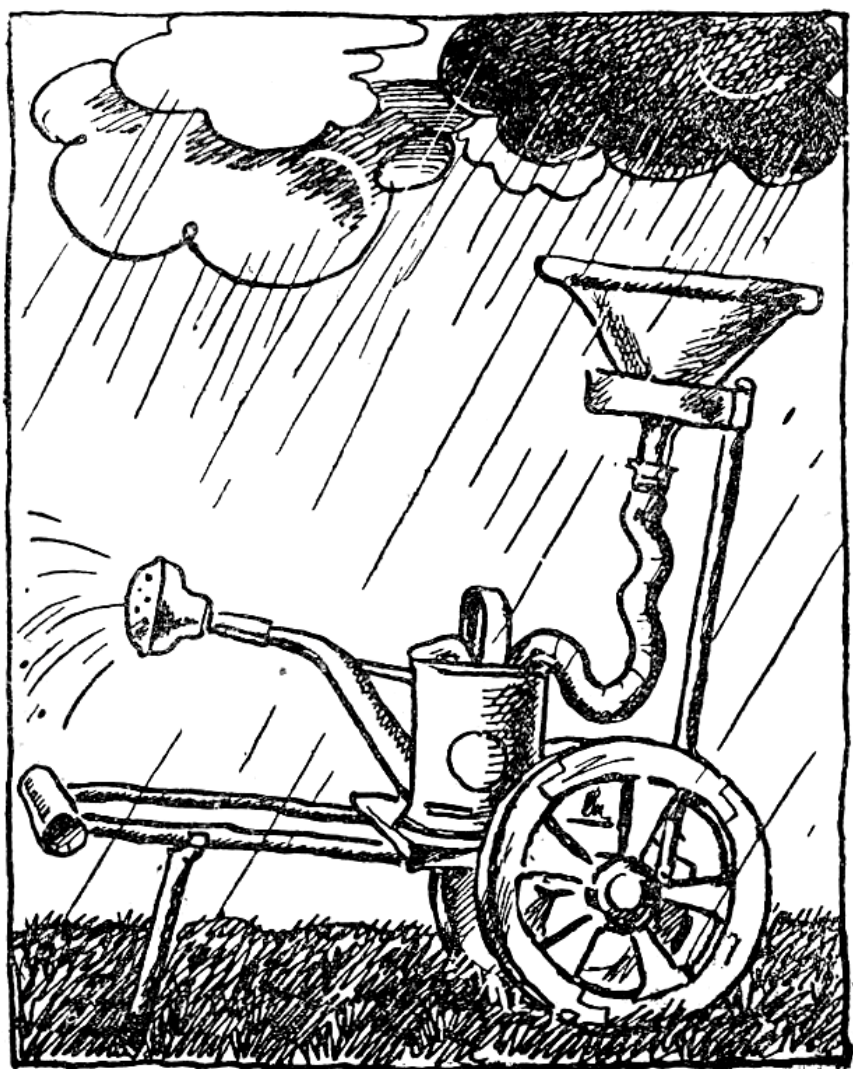
— Барабос! Барабос!

Но, казалось, от этого слова дождь идет еще сильнее, чем прежде.

Вдруг в село Перегуды, в избу волисполкома, пришел неизвестно откуда тонкий розовый листок, четко исписанный кривыми каракулями.

**ДОЛОЙ СУЕВЕРИЯ/Крестьянин/Тебе не помогут ни
попы, ни юродивые! Тебе поможет НАУКА!**

**Завтра в шесть часов Ленинградский ученый
ИВАН БОРОДУЛЯ СПАСЕТ УРОЖАЙ ОТ ДОЖДЯ! ДА
ЗДРАВСТВУЕТ НАУЧНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПОГОДЫ!**

Собрали сход. Прочитали бумагу. Бумага не вызвала большого восторга.

Ненадежная бумага! Фальшивая! И печати на ней нет, и почему она розовая?

Угрюмо разошлись мужики по домам. Дождь лил как из ведра.

Вдруг на замызганной улице появилось нечто яркое и сказочное: целая стая детских воздушных шариков — красных, зеленых, синих! Шарик эти рвались в небеса, как живые, но их крепко сдерживал на тонкой веревочке какой-то незнакомый мужчина, который, шагая по улице, урезонивал их, словно малых детей:

— Ну куда вы? Куда вы? Успеете!

Похоже, что мужчина был выпивши.

За ним бежали собаки и дети. На краю деревни у последней избы он остановился и, привязав к веревочке небольшую аптечную склянку, с веселым криком отпустил своих пленников.

Шарики взнеслись в небеса, как огромный разноцветный букет.

И вдруг трах-та-ра-рах! — словно там в высоте выпалила незримая пушка. Сколько дыму! И какой он черный! И тотчас же после этого выстрела тучи раздвинулись, в них образовалась как бы форточка и с каждой минутой эта форточка стала расти. И оттуда, из этой форточки, глянуло синее-синее, горячее, давно невиданное милое небо. Через несколько минут форточка превратилась в окно, потом в огромные ворота и — ура! ура! — глядите: солнце! глядите, глядите! — тучи так и пятятся в разные стороны, словно их гонят кнутами.

— Бегут как ошпаренные!

— А мы, дураки, и не верили!

Дождя как не бывало. Солнце! Радуга!

Все кинулись к незнакомцу: спасибо! спасибо!

Но незнакомец исчез.

...Через двадцать четыре часа весь мир узнал о новых опытах Бородули.

Особенно поразили они синьора Малатесту дель Бомба. Синьор Малатеста дель Бомба был директором автомобильного завода в Турине. Прочитав в вечернем «Курьере» о новом достижении русской науки, он одним пинком ноги опрокинул мраморный столик. Не обращая внимания на вопли лакеев, оплакивающих разбитые рюмки, он выбежал из кафе, помчался на почту и послал такую телеграмму:

«ЛЕНИНГРАД ЕВРОПЕЙСКАЯ ГОСТИНИЦА ЯНУ ШЕЛЬМОВСКОМУ ВАШЕ БЕЗДЕЙСТВИЕ РАВНОСИЛЬНО ИЗМЕНЕ ККК ОБЪЯВЛЯЕТ ВАМ ВЫГОВОР».

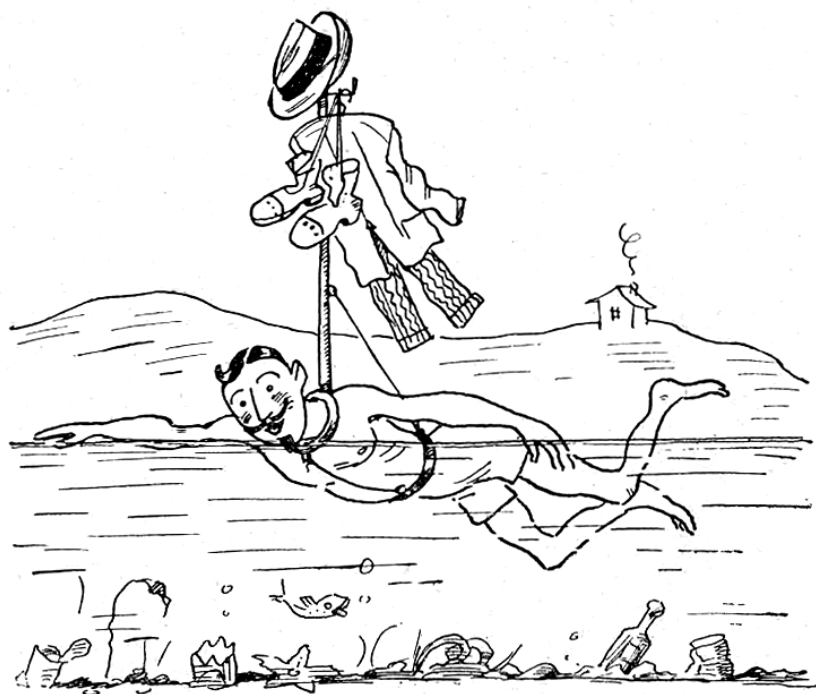
Сестрорецкая ходынка

А Бен Лейтес все еще сидит у себя на Варварке и размышляет над загадочным письмом Бородули.

Наконец он вскакивает, хватается картуз и выбегает на улицу:

— В Сестрорецк! В Сестрорецк!

На следующий день он уже в Сестрорецке. Сейчас он найдет Бородулю! Бородуля здесь — несомненно! Но какая жара! В вагоне было душно до обморока. Весь Сестрорецкий пляж усеян голыми мужчинами и женщинами. Купаться! Купаться! Лейтес разделся и, не снимая пенсне, кинулся в ласковую прохладную воду. Долго он фыркал, нырял и плескался, а когда вышел наконец из воды, с ним случилось изумительное чудо: от него убежали брюки! Да, да, встрепенулись и сами

собою побежали по пляжу! Он кинулся за ними вдогонку, но легче поймать рукою быстрого зайца, чем пару штанов, подхваченную бородулинским вихрем!

Штаны явно насмехались над ним. Они подпускали его к себе близко-близко, но когда он подбегал и протягивал руку, они ехиднейшим образом ускользали от него, как от ястреба.

Это очень веселило купающихся. Они смотрели на несчастного «охотника» и хохотали до слез. Их отвратительный хохот усилился, когда брюки добежали до ближайшей сосны и, словно птица, вспорхнули на самую верхнюю ветку.

Впрочем, вскоре эти жестокосердные люди понесли заслуженную кару. Потому что через десять минут все вещи, оставленные ими на пляже — полотенца, юбки, простыни, фуфайки, пиджаки, картузы, туфли, рубахи, брюки, — были внезапно подхвачены буйными вихрями и как живые помчались по берегу.

С визгом и воплями выбежали из моря купальщики и кинулись спасать свое имущество. Началась невообразимая свалка, названная впоследствии Сестрорецкой Ходынкой.

Новые победы науки

Но ленинградцы были недовольны. Не того они ждали от знаменитого повелителя туч и ветров! Им казалось, что, пользуясь наукой для забавы, он оскорбляет науку.

Поэтому они очень обрадовались, когда узнали, что

Бородуля искупил свои игривые шутки целым рядом общепользных поступков.

Говорили, что где-то на Кубани Бородуля при помощи искусственного ветра остановил грандиозный налет саранчи, которая грозила всему краю неисчислимыми бедствиями. Саранча уничтожила посевы на несколько километров вокруг, но Бородуля загнал ее в море, где вся она немедленно погибла.

Говорили, что неподалеку от Сочи он остановил ураган, который грозил уничтожить все фруктовые сады Черноморья.

На Украине он спас кукурузу, а в Крыму приостановил северный ветер, столь опасный для поздних сортов винограда.

Вначале это были только слухи, но когда особая комиссия удостоверила путем опроса нескольких тысяч свидетелей, что эти события произошли именно так, как рассказывали о них в газетах селькоры, переполох произошел невероятный. Все население СССР было взбудоражено, обрадовано и даже немного испугано теми необъятными горизонтами, которые развернул перед ним Бородуля.

Но где же он прячется?.. Пора отыскать его! Пора использовать его изобретение в широком государственном масштабе.

2-го июля Бен Лейтес напечатал в газетах:

ВСЕ ГРАЖДАНЕ, имеющие какие бы то ни было сведения об известном ученом, ОБ ИВАНЕ БОРОДУЛЕ, приглашаются в камеру Лейтеса (ул. Радищева, 1).

И вот началась эпидемия: каждый искал Бородулю и каждый находил Бородулю. В одной только Москве ежедневно отыскивалось не менее трехсот Бородуль.

Запонки Яна Шельмовского

А между тем Ян Шельмовский сидел у себя в номере в «Европейской гостинице». Против него у окна стояла женщина в глубоком трауре, лет тридцати, с усталым, бледным и гордым лицом.

Выражение лица этой женщины было бесконечно безглаголиво.

— Перестаньте кривляться! — сказала она. — Мне некогда. Зачем вы позвали меня? Я должна торопиться. Он один... он болен... он ждет... Что вам нужно? Говорите скорее!

— Сущую безделицу, Матильда Эмильевна. Это отнимет у вас не больше минуты. Нам, видите ли, необходимо узнать, намерен ли господин Бородуля выполнять те обязательства, которые он взял на себя.

— Я уже сказала вам: нет, не намерен.

Ян Шельмовский схватился за голову.

От прежней его веселости не осталось и тени.

— Негодяй! — закричал он визгливо. — За сколько советских червонцев он продался этим каторжникам? И ты... и ты... продалась вместе с ним!

Он налетел на нее, словно бешеный бык. Она вскрикнула и в ужасе прижалась к стене. Казалось, сейчас он ударит ее. Но вдруг он остановился, и на лице у него заиграла улыбка.

— Вы так прекрасны, — сказал он галантно, — что на вас невозможно сердиться!

А потом, словно осененный внезапной мыслью, молниеносно схватил со стола ее маленькую кожаную сумочку и сунул туда что-то блестящее.

Она ничего не заметила и величаво направилась к выходу. Вдруг Шельмовский завизжал как зарезанный:

— Держите эту женщину! Держите ее! Она украла у меня бриллиантовые запонки!

Женщина посмотрела на него с изумлением и продолжала свой путь. В гостинице захлопали двери. Отовсюду сбежался народ.

Женщину задержали, обыскали и нашли в ее сумочке золотые, усыпанные бриллиантами запонки. Мнимая воровка была арестована.

Бородулина месть

Очевидно, Бородуля выздоровел, потому что через несколько дней он взбудоражил весь город новыми чрезвычайно оригинальными опытами.

Из опытов был особенно удачен один — над иностранным гражданином Я. Шельмовским.

Случилось это девятого августа в шестнадцать с половиною часов. Стоял чудесный тихий и солнечный день. Из вестибюля «Европейской гостиницы», разглаживая черные, как смоль, бакенбарды, величаво вышел иностранный гражданин Я. Шельмовский.

Не прошел он и нескольких шагов, как вдруг у него над головой появилось небольшое овальное облако, около полутора метров в диаметре, и из этого облака пошел дождь.

Шельмовский не обратил на него никакого внима-

ния и зашагал по направлению к бирже, где у него было намечено важное деловое свидание.

Облако побежало за ним. Оно опустилось так низко, что его можно было достать рукой, дождь из него шел на одного только Яна Шельмовского. Над остальными небо было ясно. На площади Урицкого этот дождь превратился в ливень. Вскоре Шельмовскому стало казаться, что по крайней мере десять пожарных кишок направлено на него одного. Лицу его сделалось больно. Он прикрыл свои иззябшие щеки руками и побежал через мост.

А за ним — газетчики, собаки, торговцы, управдомы, трубочисты, кондукторши, татары, советские служащие.

— Дяденька! — кричали мальчишки. — Кидайся в Неву! Там обсохнешь!

И они юлили у него перед носом, чтобы хоть минуту побывать под дождем.

Куда девалась величавая осанка Шельмовского! Он съежился и бежал как безумный. Хуже всего было то, что от дождя вылиняли великолепные его бакенбарды. За минуту до этого они были иссиня-черные, а теперь стали пегие с зеленым отливом.

Но вот автомобиль. Ура! ура! Он вскочил внутрь и крикнул шоферу: «К бирже!» Ах, как хорошо в автомобиле. Но шофер открывает дверцу:

— Ступай, сукин сын, на улицу! Ты утопишь и меня, и машину!

И вот несчастный снова под дождем. На него глязет весь город. Люди стоят шпалерами и беспардонно хохочут. Им-то хорошо, они сухие. Над ними, как говорится, не каплет. Отовсюду к нему тянутся стаканчики, кружки, бутылки и рюмки — каждому хочется зачерпнуть необыкновенной воды. Из Академии наук прибежали ученые: они энергично засеменили вокруг, измеряя температуру дождя специальными градусниками.

Впрочем, вскоре дождь прекратился, и Шельмовский вздохнул свободнее. Быстро взбежал он по ступеням биржи.

Должно быть, там ему сообщили очень приятную новость, потому что, вернувшись домой, он насвистывал самые бравурные марши, хотя с него текло, как с утопленника.

В тот же вечер Шельмовский телеграфировал синьору Малатесте дель Бомба:

«МЫШОНОК В ЗАПАДНЕ. ПРИШЛИТЕ ТЫСЯЧУ».

Малатеста дель Бомба ответил:

«ПОСЫЛАЮ ТЫСЯЧУ ПРОКЛЯТИЙ».

Драгоценная находка

Наконец-то тов. Лейтесу удалось набрести на следы Бородули!

Как-то вечером в его камеру спокойно вошла высокая краснощекая девушка, молча подала какой-то сверток.

Тов. Лейтес развернул этот сверток, и папираса у него в руке задрожала.

Это были письма Бородули. Подлинные письма Бородули! Но отчего они такие мокрые, словно сейчас из воды?

— Где вы их нашли?

— В Неве.

— Как же они попали туда?

— Их бросил с моста какой-то мальчишка. Горбатый.

— А вы были в это время в воде?

— Да, я шла на баркасе в Гавань.

Лейтес внимательно посмотрел на свою посетительницу. «Где я видел это лицо?» Лицо было круглое, красное, свежее, несколько сонное. Лицо суровой и спокойной крестьянки.

— Как вас зовут? — спросил Лейтес.

— Малявина.

— Вы — Екатерина Малявина?

— Да.

Екатерина Малявина была необыкновенная, почти легендарная девушка. Впрочем, нужно ли рассказывать о ней. Кто не видел ее портретов в «Огоньке», в «Экране», в «Красной Ниве»?

Она — гордость ленинградской физкультуры. Мировая чемпионка гребли и плавания. Скромная рабфа-

ковка оказалась искуснее лучших профессиональных спортсменов Европы.

Над Бородулей сгущаются тучи

Всю ночь напролет сидит Лейтес у себя за столом и разглядывает в лупу те рукописи, которые принесла ему Екатерина Малявина.

Чтение этих рукописей дело нелегкое. Бумага сильно пострадала от воды, размокла, расползлась — ничего не понять. Иные строки сплошное пятно. Но Лейтес не приходит в отчаяние. Он изучает каждую букву, каждый ничтожный штришок.

Наконец, перед самым рассветом, наполнив комнату дымом пятидесяти трех папирос, он вскакивает с места и выразительно кричит:

— Негодяй!

Страшная злоба душит его. Рано утром он мчится в Гавань.

— Ваш Бородуля — подлец!

— Это невозможно. Нет. Вы ошиблись!

— Когда бы вы знали о нем то, что известно мне, вы были бы счастливы, если бы мне удалось пристрелить его.

Девушка молчит и наконец произносит:

— Он — великий ученый.

— Тем хуже для него — и для нас!

— И для нас?

— Да, и для нас! Если бы ему удалось привести в исполнение тот дьявольский план, ради которого он приехал сюда, мы снова вернулись бы к ужасам голода, холеры, сыпняка.

— Не верю!

— А между тем это так. Этот человек — один — может сделать нам больше зла, чем целая армия белых бандитов!

— Не верю! — повторила Малявина.

Малявина любила Бородулю.

Она твердо верила, что изобретение Бородули несет крестьянам великое счастье. Она привыкла видеть в этом знаменитом ученом друга и помощника трудящихся. То, что сказал ей Лейтес, показалось ей чудовищной ложью.

— Вы ошибаетесь! — сказала она.

Лейтес побледнел.

— Я ошибаюсь?! Нет! Ошибаетесь вы. Это — чудовищный изверг! Это — опаснейший преступник. Он несет голодную смерть миллионам трудящихся. Пока он на свободе, наша революция в опасности. Нужно связать его по рукам и ногам.

— Это вам не удастся,— сказала Малявина.

— Кто же может мне помешать?

— Я!

Торонто-Вена-Варшава

Но где же Бородуля? Почему, почему он скрывается?

Этой загадкой был занят весь город. Эту же загадку пытался разрешить мистер Чарльз Брэнч из Торонто. Он прибыл в Ленинград сегодня утром и, только что занял номер в «Европейской гостинице», сейчас же обратился к маститому привратнику с вопросом:

— Где проживает известный ленинградский ученый профессор Иван Бородуля?

— Неизвестно-с! — сказал маститый привратник на ломаном английском языке. — Это никому неизвестно-с!

— Как?! Вы не знаете, где живет ваш величайший ученый?!

Маститый привратник улыбнулся с приятностью.

— Вы не первый справляетесь у нас о профессоре Бородуле. Господин, что стоит в восьмом номере, прибыл вчера из Парижа и тоже, чуть вошел, первым делом: где живет профессор Бородуля?

Мистер Брэнч заметно побледнел:

— Господин из Парижа?

— Да, господин из Парижа. Господин Луи Сан-Бернар. А третьего дня господин из Берлина — фон Граббе.

— Из Берлина! И вы дали ему адрес?

— О, нет. Я ответил ему на пяти языках, что в нашей стране никому неизвестно, где живет профессор Бородуля.

Мистер Брэнч энергично выругался и послал телеграмму в Торонто.

Принцесса

Мистер Брэнч расспрашивал о Бородуле всех — даже свою маникюршу.

Эта маникюрша внушала ему благоговейное чувство: до революции она была принцессой. Да, всего лишь десять лет тому назад ее визитную карточку украшала большая корона, а под короной было напечатано:

Княгиня Евпраксия Иоанновна
БЕЛОМОР-БЕЛОГОРСКАЯ,
урожденная графиня УДИЩЕВА

По ее словам, отыскать Бородулю мог лишь один человек — Чугунов.

— Когда моя бель-сер баронесса Инзель Ферлаг потеряла на балу у моей кузины графини О'Турме свой знаменитый бриллиант, подаренный ей великим князем Трувором Кирилловичем, никто не мог отыскать его, хотя десять сыщиков целый месяц искали его. Позвали Чугунова, и он отыскал бриллиант.

— Где же он его нашел?

— У моего бо-фрера, князя Бел-Конь-Белоконского.

— Приведите его ко мне! — закричал мистер Брэнч.

На следующий день рано утром Прасковья Ивановна привела к мистеру Брэнчу великого русского сыщика Илью Чугунова.

Илья Чугунов был по профессии банщик.

Увидев его, мистер Брэнч в первую минуту испугался: настоящий убийца! Огромен, лохмат, бородат. Ох, не похож, не похож он на Шерлока Холмса!

Мистер Брэнч встретил Чугунова недоверчивым взглядом, но не прошло и минуты, как Чугунов обнаружил перед ним свой несравненный талант.

Войдя в комнату, он так и вонзился острыми своими глазами в какую-то лиловую книжку, лежавшую на кровати у столика.

Это был старинный молитвенник, с которым богомольный мистер Брэнч не расставался ни разу в жизни.

Указав на этот молитвенник своим волосатым перстом, Чугунов подмигнул мистеру Брэнчу и хрипло сказал:

— Угости-ка, сыночек, молитвой!

Мистер Брэнч покраснел как рак.

— О чем он говорит? Какой молитвой?

— Известно, какой: ямайской!

Тут мистеру Брэнчу пришлось со стыдом признать-ся, что его молитвенник совсем не молитвенник, а плоская бутылка без горлышка, искусно вделанная в бархатный футляр, которому придана форма молитвенника.

Мистер Брэнч был вне себя от восторга и сразу уверовал в великий талант Чугунова.

— Гений! Гений! — повторял он ликуя. — Вы только подумайте, я молюсь по этому молитвеннику уже одиннадцать лет, и никто, даже моя жена, не знает, какие в нем прекрасные псалмы. Приходит сюда этот гениальный медведь и сразу открывает мою тайну!

Чугунов и вправду был гений. Это признавал даже Лейтес, который нередко в затруднительных случаях обращался к нему за советами.

— Да, он гений, но до первой рюмки!

Увы, это было так. Хуже всего было то, что во хмелю он становился хвастлив и в несколько минут разрушал все плоды долгих усилий.

Но теперь этого не будет! Нет! Он не прикоснется к вину, покуда не разрешит той загадки, которую взялся разрешить!

Чугунов за работой

Загадка трудная, почти неразрешимая. Но Чугунов не отчаивается.

Он сидит у себя в предбаннике в одном нижнем белье и, почесывая волосатой рукой волосатую грудь, внимательно изучает какие-то письма, исписанные кривыми каракулями.

Это продолжается весь день. До самого позднего вечера Чугунов размышляет над своими бумагами. Бумаги непонятны, сумасбродны и дики. На одной из них, например, написано следующее:

«Обо мне не беспокойся. Саван теплый, из соседнего склепа не дует. Но повторяю: пришли мне валенки и шаровидную молнию».

Другая записка такая:

«Конечно, S. I. S. лучше, чем K. K. K., но я предпочитаю USSR. Можешь сказать об этом M. D. B. и L. M. L.».

Третья записка длиннее других:

«У меня на New Maidens тихо. Я уже провел электричество от купчихи Жеребчихи к Почтанным».

кову. Двадцать девятого приезжай непременно. Мне без тебя будет трудно. Нажми правый сосок Жеребчихи, и я тебе тотчас открою. Лишний гроб тебе всегда найдется!»

Над этой третьей запиской Чугунов размышлял часа два, а потом позвал к себе парикмахера Зиммеля, работавшего тут же, при банях, и, тыкая пальцем в иностранные буквы, спросил его, что они значат. Парикмахер Зиммель недавно вернулся из Бруклина, где прожил четырнадцать лет. Он считался великим лингвистом, так как умел говорить (главным образом о мозолях, бриолине и перхоти) на девяти языках.

Зиммель объяснил Чугунову, что New Maidens — Нью Мэйденз — это по-английски: новые девочки.

От этого объяснения Чугунов весьма взволновался, схватил суковатую палку, сунул в карман револьвер и, даже не поблагодарив парикмахера, побежал на вокзал Октябрьской железной дороги.

— В Москву! В Москву! — шептал он.

Войдя в вагон, Чугунов увидел Лейтеса, который тоже направлялся в Москву.

Лейтес сидел у окна и жарко спорил с какой-то девушкой.

Чугунов завалился спать. Засыпая, он слышал, как Лейтес выкрикивает нервическим шепотом:

— Вы требуете доказательств? Извольте! Доказательств у меня сколько угодно. Слыхали вы о шайке нумизматов? Я могу документально доказать, что он принадлежит к этой шайке...

На пути к разгадке

Приехав на Новодевичье кладбище, Чугунов так быстро бросился к одной из могил, словно боялся, что лежащий в ней покойник улепетнет от него. Сильно стукнул он по ее могильной плите суковатой дубиной и прислушался, как будто ждал ответа. Могила молчала. Он поспешил к следующей и стал приподнимать ее плиту. Но плита не шелохнулась, и он направился дальше. Особенно долго хлопотал он над гранитной усыпальницей генерал-лейтенанта Симеона Почтанникова. Даже дернул за ногу мраморного херувима с отшибленным носом, бесцеремонно взгромоздившегося на саркофаг. Но херувим продолжал сидеть в той же позе, в какой сидел уже семьдесят лет. Чугунов двинулся дальше и вскоре подошел к мавзолею, на котором было написано:

*Здесь покоится девица
Марья Львовна Жеребец.
Плачь, несчастная сестрица,
И несчастный плачь отец!
Ты ж, девица Марья Львовна,
Спи в могиле хладнокровно!*

Несомненно, этот мавзолей был величайшей достопримечательностью кладбища. Он высился над другими могильными памятниками. Марья Львовна была любимейшей дочерью знаменитого казанского откупщика Жеребца, который не пожалел денег, чтобы увековечить ее память в потомстве. Воздвигнутый им мавзолей был очень похож на полуштоф, увеличенный в тысячу раз. Надпись на этом полуштофе сочи-

нил сам Жеребец, который, после того как нажил на продаже вина девять миллионов рублей, стал заниматься поэзией.

Впрочем, не эти стихи заняли внимание Чугунова.

Его внимание было привлечено пучеглазым архангелом, сидящим на вершине полуштофа. Чугунов взобрался на вершину, обнял архангела и стал внимательно осматривать его.

Хотя богословам и до сих пор неизвестно, к какому полу принадлежат эти небесные духи, но архангел, сидевший на могиле купеческой дочери, несомненно принадлежал к полу женскому. Из-под его открытого хитона высывалась круглая женская грудь, эту грудь украшала кнопка. Обыкновенная кнопка электрического звонка, вроде тех, какие бывают у наружных дверей. Он нажал эту кнопку, и тяжелые двери склепа медленно и шумно распахнулись.

Чугунов, как молния, кинулся вниз.

Бородуля найден

Что такое? Куда он попал? Какая чистота! Какой порядок! Он очутился в хорошенькой, оклеенной веселыми обоями комнатке. Если бы не газетовый гроб, стоящий у правой стены — между виолончелью и шкафом — эту могильную яму можно было бы принять за нарядную комнатку избалованной хорошенькой девушки. Коврики! Занавески! Картинки! Канарейка в позолоченной клетке!

А вот и телефон. Что за черт! Телефон из могилы! Куда он ведет? К сатане?

Кладовая! Чего только в ней нет. Сельди, швейцарский сыр, консервы, сухари, сушеные фрукты, мед. И целая гора шоколада.

— Недурно устроился! — сказал Чугунов, засовывая себе в рот половину селедки.— Кругом жилищный голод, а он...

Чугунов развалился в кресле. По его дремучему лицу поплыла блаженная улыбка. Он нашел того, кого искал! Он разгадал загадку, которую не удалось разгадать никому, даже тов. Лейтесу. Он нашел Жеребца! Он нашел Канарейку! А вот и Медведь, о котором говорится в письме. Разостлан у камина как ковер. Но что это возле медведя на полу? Чугунов втянул в себя воздух, и лицо у него покрылось багровыми пятнами. Сорокаградусная! Недопитая бутылка сорокаградусной! Чугунов закрыл глаза и, как зачарованный, потянулся к бутылки. Ощупью схватил ее и, не открывая глаз, вылил себе в горло ее содержимое...

И вдруг услышал чей-то громкий храп.

Он вздрогнул. Храп из гроба.

Он поднял крышку и увидел Бородулю. Бородуля спал мертвым сном.

Да, он спал в гробу на московском Новодевичьем кладбище и мирно похрапывал, а Илья Чугунов, наклонившись над ним, созерцал его мудрый лик.

Мудрый? Едва ли. Скорее преступный. Обезьяньи скулы, низкий лоб, правое ухо как будто наполовину откусано — отгалкивающее, тупое лицо хулигана!

Илья Чугунов направил на него револьвер и рявкнул пьяным басом:

— Эй, Бородуля, проснись!

Бородуля встрепенулся в гробу, приоткрыл один глаз и внятно произнес популярное ругательство.

Чугунов удивился: он и не думал, что великим ученым известны такие слова.

— Вставай! — заревел Чугунов.

Бородуля открыл оба глаза (причем оказалось, что на правом бельмо) и опять произнес те же слова.

— Не ругаться! — грозно сказал Чугунов.— Ты арестован.

Но ученый опять захрапел. Этот храп раскалил Чугунова до бешенства.

— Выходи из гроба, сукин сын! — заревел он таким оглушительным голосом, каким еще не ревел ни один чудотворец, желавший воскресить мертвеца.

Но великий ученый не слышал его. Он опять погрузился в сон. От его могучего храпа на столе чуть слышно дребезжали стаканы да шевелились лепестки цветов. Чугунов снова накрыл его крышкою гроба. В крышке было несколько отверстий, и задохнуться Бородуля не мог.

Вдруг зазвонил телефон.

— Слушаю!

Женский голос произнес равнодушно:

— Санька, айда на крышу. Ляпкин засыпался. Петьку угробили, Финкель дает десять червей.

Чугунов удивился: Финкель был скупщик краденого, знаменитый на Сухаревке.

— Нечего сказать, хорош ученый! — укоризненно произнес Чугунов по адресу лежащего в гробу Бородули.

Торжество Чугунова

И вдруг, под наитием спирта, в Чугунове заговорил дьявол гордости. Ему захотелось похвастаться своей необыкновенной удачей. В самом деле! Вы только

подумайте! Все ищут этого Бородулю три месяца — шарят по всем закоулкам. И не находят нигде! А он, Чугунов, в два дня — сразу — без всяких хлопот накрыл его в его подпольной квартире.

И понемногу ему пришла в голову дерзкая мысль: а не звякнуть ли Лейтесу? Не вызвать ли его сюда, в подземелье? Пусть придет, поглядит, позавидует.

Нетвердой походкой подошел Чугунов к телефону и попросил соединить его с Лейтесом.

В кратких словах объяснил он Лейтесу, где он находится, и просил немедленно приехать на кладбище.

— Ладно, сейчас выезжаю!

Через пять минут дверь склепа загремела, и в могилу быстро вбежал Лейтес.

Чугунов хвастливо сказал ему:

— Ну-ка, поднимите эту крышку! Не бойтесь! Там вы увидите того человека, которого вы ищете три месяца и никак не можете найти.

Лейтес поднял крышку. Гроб был пуст.

— Вы пьяны! — презрительно поморщился Лейтес.

— Если бы я знал, что вы пьяны, я не приехал бы к вам.

Чугунов смущенно лопотал:

— Куда же он девался? Он только что лежал тут, в гробу...

— Кто такой? О ком вы говорите?

— Бородуля!

— Вы нашли Бородулю?

— Да, я нашел Бородулю!

Лейтес так и замер на месте.

— Не может быть! А каков он из себя?

— Обыкновенный хулиган. Рожа пьяная. На левом глазу бельмо...

Лейтес облегченно вздохнул.

— И правое ухо как будто надкусано?

— Да... надкусано. Но откуда вы знаете?

— Как же мне его не знать! Я за ним уже пятую неделю гоняюсь. Поздравляю вас, это знаменитейший из московских налетчиков.

— Как же его зовут?

— У него много имен, но кличка у него одна — Голопуп.

— Голопуп?! Санька Голопуп! Этот бандит, который в прошлом году?.. И этот Голопуп — Бородуля!

— Перестаньте городить чепуху. Лягте и проспите.

— Нет, это Бородуля. Идем и поймаем его! Он где-нибудь тут, за кустами!

Чугунов как молния кинулся к выходу. Но здесь ожидал его новый удар. Двери склепа оказались закрытыми!

— Мы попали в западню,— сказал Лейтес.

Холодный пот выступил на лбу у Чугунова.

— Попробуем выломать дверь.

Но напрасно бились о железную решетку несчастные узники могильного склепа. Дверь не поддавалась.

Лейтес подбежал к телефону. Но телефон оказался испорчен.

Спасения ждать было неоткуда. Они в могильной яме, они отрезаны от всего человечества! Через неделю, когда у них истощатся скудные запасы съестного, они начнут умирать мучительной, медленной смертью.

Часть вторая

Страшное открытие

Убедившись, что их попытки выбраться наружу безуспешны, Чугунов растянулся на шкуре медведя и мгновенно заснул, а Лейтес подошел к столу, выдвинул все ящики и стал рыться в бумагах,

И вдруг он вздрогнул:

— Невероятно! Немыслимо! Как могло попасть в этот ящик письмо, подписанное: Иван Бородуля. Неужели Чугунов не ошибся? Неужели эта могила — действительно Бородулин тайник? Если так, то откуда же взялся Голопуз?

Лейтес начал читать письмо. У него помутилось в глазах. Это был ужасный документ, уличавший Бородулю в таком бесчеловечном преступлении, перед которым бледнели все злодейства.

Лейтес схватился за голову. Что делать? Что делать?

— Чугунов! Чугунов! Вставайте! Мы должны предупредить преступление! Если мы промедлим хоть час, все пропало! Мы должны во что бы то ни стало разбить эту железную дверь, иначе случится такое несчастье, от которого содрогнется мир.

Дверь не поддавалась, но они продолжали стучать. Они надеялись, что там, наверху, какой-нибудь случайный прохожий услышит их стук и придет им на помощь. Но кто же гуляет в осенние ночи по кладбищам! Утомленные, разбитые, спустились они в подземелье, отчаяние овладело ими. И как бы для того, чтобы оно стало еще безысходнее, вдруг погасла электрическая лампочка, освещавшая склеп, и наступила тьма. В оцепенении упали несчастные узники на пол и, не говоря ни слова, застыли в могильной тоске.

Сколько времени пролежали они — час или два — неизвестно.

Но вдруг загрохотала железная дверь, повеяло свежим воздухом и в комнату вошел Соломон Розенштейн.

В руке у Розенштейна был автомобильный фонарь.

Розенштейн вошел как ни в чем не бывало. Как будто ему ежедневно случается посещать живых людей в могилах. Лейтес так и кинулся к нему.

— Розенштейн! Милый Розенштейн! Как вы попали сюда? Откуда вы узнали, что я здесь?

— Очень просто, — сказал Розенштейн.

Оказывается, что когда Лейтес, вызванный Чугуновым на кладбище, подъехал к могиле генерал-лейтенанта Почтанникова, Розенштейн, который и привез его туда, отлично рассмотрел из-за ограды, где находится эта могила. На следующий день, смущенный долгим отсутствием Лейтеса, он вернулся на кладбище, разыскал генеральский склеп, взломал запертую железную дверь и спас похороненных заживо.

Впрочем, у Лейтеса не было времени радоваться. Захватив с собой в автомобиль Бородулины тетради и письма, он помчался сообщить обо всем кому следовало.

Огнем и водой

Но тут произошла катастрофа.

В квартиру Лейтеса ударила необыкновенная бесшумная молния!

Тихо-тихо, как кошка, как огненная кошка, прыгнула она с безоблачного черного осеннего неба прямо

в форточку его единственной комнаты. Прыгнула легко и воздушно. Было в ней что-то ласковое, словно несла она радость. Тихо вошла она в шкаф, где хранились Бородулины бумаги, и мгновенно превратила их в пепел, а потом поспешила на кухню и кротко скользнула во двор, где были сложены дрова, запасенные на зиму.

— Пожар! Пожар!

Пламя с явным удовольствием охватило груды поленьев, которые словно того и ждали: запылали веселым костром.

Но вдруг над пылающим флигелем неизвестно каким образом возникла небольшая тяжелая, черная туча, опустилась чуть не на самую крышу, и из этой тучи хлынул ливень, да такой многоводный, что, когда подоспели пожарные, им ничего не оставалось, как только выразить свое изумление.

Наутро вся Москва загудела:

— Новое чудо науки!

— Тушение пожара без помощи пожарного шланга!

В московской печати появилась статья, посвященная тому перевороту, который произведен в огнетушительном деле новым опытом Ивана Бородули.

«Пожарные,— говорилось в статье, — со вчерашнего дня вы сделались доисторической древностью. Вас упразднила наука. Вы можете сдать свои медные каски в музей.

Нужно, не медля ни минуты, создать Государственное Управление Туч и Ветров (сокращенно ГУТИВ), при котором могла бы работать специальная противопожарная секция».

Какие перспективы! Какое необыкновенное будущее! Но где же он скрывается, этот неуловимый ученый? Имеет ли он право скрываться? Не обязан ли он

немедленно предоставить все свои силы и знания СССР?

Эта мысль начинала смущать даже Екатерину Малавину. Девушка твердо решила во что бы то ни стало найти Бородулю и убедить его, чтобы он отдал наконец свои изобретения в руки крестьян и рабочих.

Емельян Емельянович

Вы не были на Лахте? И не надо! Лахта — гиблое место. Комары да болота. Вечное хлоп-хлоп под ногами. Мимо! Мимо! Нечего вам делать на Лахте. Пусть там живут замухрышние, безнадёжные люди, унылые, как тот жалкий осинник, который у них именуется лесом.

Вот хотя бы Емельян Емельянович! Скучный человек! Неинтересный! Даже неловко занимать им внимание читателя. Весь он какой-то расхлябанный — и зачем такие люди живут?

Но если бы вы нынче ночью тихонько вошли в ту засыпанную снегом хибарку, где живет этот скучнейший Емельян Емельяныч, и, притаившись в прихожей, приложили бы ухо к дверям, вам стало бы не скучно, а страшно.

Писклявый, плачущий голосок говорит:

— Верните мне Матильду! Где Матильда?

Злобный шепот отвечает пронзительно:

— Вы никогда не увидите вашей Матильды. Мы спрятали ее в надежное место. Если вы хотите, чтобы она воротилась, вы должны исполнить приказ Малатесты...

— Ни за что! Ни за что!

— В таком случае попрощайтесь с Матильдой!

— Но без Матильды я умру!

— Что ж, умрите! Вы сами виноваты в своей гибели. Вы отказались от денег, от славы, от счастья, во имя какой-то глупой химеры... В последний раз приказываю вам: или вы исполните приказ Малатесты, или...

— Матильда! Матильда!

Но кто мог услышать его? Финн Сиволайнен, хозяин хибарки, был пьян и спал непробудным сном в чадной кухне на холодной плите, а горбатый сын Сиволайнена, Аксель, уже третий день не возвращался из города. Кругом ни души: только снега да деревья. Впрочем, нет! Присмотритесь внимательнее: в углу возле двери притаилась какая-то девушка и жадно вслушивается в страшные речи. Это Екатерина Малявина! На лице у девушки ужас: что делать? Как предотвратить катастрофу? Сейчас, сию минуту, грянет выстрел, и гениальные мозги, которые могли бы осчастливить весь мир, брызнут на грязные стены чухонской лачуги.

Малявина в смертельном испуге заметалась у запертой двери.

Но вот она решилась. Быстро побежала на кухню, схватила какой-то тяжелый предмет и, как молния, влетела в комнату.

В комнате спиной к двери стоял человек с револьвером в руке и рылся в каких-то бумагах. Девушка подбежала к нему и в одно мгновение нахлобучила ему на голову большое помойное ведро Сиволайнена. Человек выронил из рук револьвер. Зловонные и липкие помои залили ему лицо.

Тщетно пытался он сбросить с себя эту железную шапку. Увы! К ведру была привязана веревка, и Малявина со спартаковской ловкостью закрепила ее вокруг поясницы врага, так что ведро оказалось прочно прикрученным к его голове. Тычась во все углы, как сле-

пой, он опрокинул лампу и разбил оконное стекло. Тогда Малявина могучей рукой схватила его за веревочный пояс, выволокла на крыльцо и дала ему такого пинка, что он плюхнулся с высоты девяти ступеней и зарылся головой в снег.

Расправившись с негодяем, Малявина поспешила к больному.

Он был в обмороке и лежал неподвижно, как мертвый.

Девушка распахнула окно. Через несколько минут он очнулся, дико взглянул на Малявину и вдруг закричал:

— Ты шпионка! Ты из той же шайки! Тебя послали сюда, чтобы ты украла мои чертежи. Уходи сию минуту! Уходи!

Но девушка не ушла. Она молча принялась за работу.

В комнате было холодно. Она затопила печь. Она вымыла посуду.

Больной с ужасом следил за ее действиями.

— Уходи! Уходи! Уходи! — беспрерывно шептал он тысячу раз подряд. В углу стояла какая-то небольшая машина, тщательно прикрытая брезентом. Наружу изпод брезента торчал изогнутый железный рычаг.

Малявина приблизилась к этой машине, чтобы стряхнуть с нее пыль, но больной закричал так отчаянно, словно его обожгли раскаленным железом:

— Не тронь! Не тронь!

Девушка покорно отошла от машины и стала заниматься стряпней. Но когда через час она поднесла тарелку бульона больному, он повернулся к стене и стал повторять:

— Уходи, я знаю, ты — отравительница!

Чтобы успокоить его, девушка сама отхлебнула из этой же тарелки и серьезно сказала:

— Видите, я осталась жива!

Он посмотрел на нее недоверчиво, но уже не сопротивлялся, позволил ей кормить себя.

— Я умираю от голода, — сказал он, оправдываясь.

— Я не ел почти четыре дня...

После еды он заснул. Когда на следующее утро девушка вошла к нему в комнату, он встретил ее гораздо приветливее.

Он долго рассматривал ее лицо, наконец произнес:

— Теперь я вижу, что вы не шпионка: у вас такое круглое лицо!

Она покраснела и стала поить его чаем.

Человек и ведро

Между тем незнакомец, сброшенный с лестницы Екатериной Малявиной, так отчаянно дрыгал ногами, торчащими из снегового сугроба, что казалось, будто у него, по крайней мере, сорок четыре ноги.

Наконец после мучительных усилий он выкарабкался из сугроба и, помчавшись туда, где, по его догадке, должны быть ворота, со всего маху налетел на забор.

Неизвестно, чем кончились бы все эти муки, если бы навстречу ему не попала сестра Сиволайнена, которая как раз в это время возвращалась из города.

— Это наше ведро! — закричала она. — Зачем ты взял наше ведро? Отдай сюда наше ведро.

И, схватив незнакомца за рукоятку ведра, словно слепую кобылу, она повела его в Особый отдел, не обращая внимания на его проклятия и вопли.

Агент Особого отдела перерезал веревку, опоясывающую стан незнакомца. Ведро со звоном полетело на пол, и под ведром оказалось страшное, безумное лицо — всклокоченные волосы, отмороженный нос, искаженные ужасом губы.

Это был почтенный негоциант Ян Шельмовский.

Накануне нового открытия

И вот потянулись блаженные дни.

Малявина поселилась на Лахте, сняла комнату неподалеку от станции и ежедневно целыми часами носилась по взморью на лыжах. А вечером шла к Бородуле.

Бородуля по-прежнему с утра до ночи сидел на полу и складывал какие-то железные трубки, причем по-прежнему был похож на ребенка, играющего в кубики под наблюдением любящей няньки.

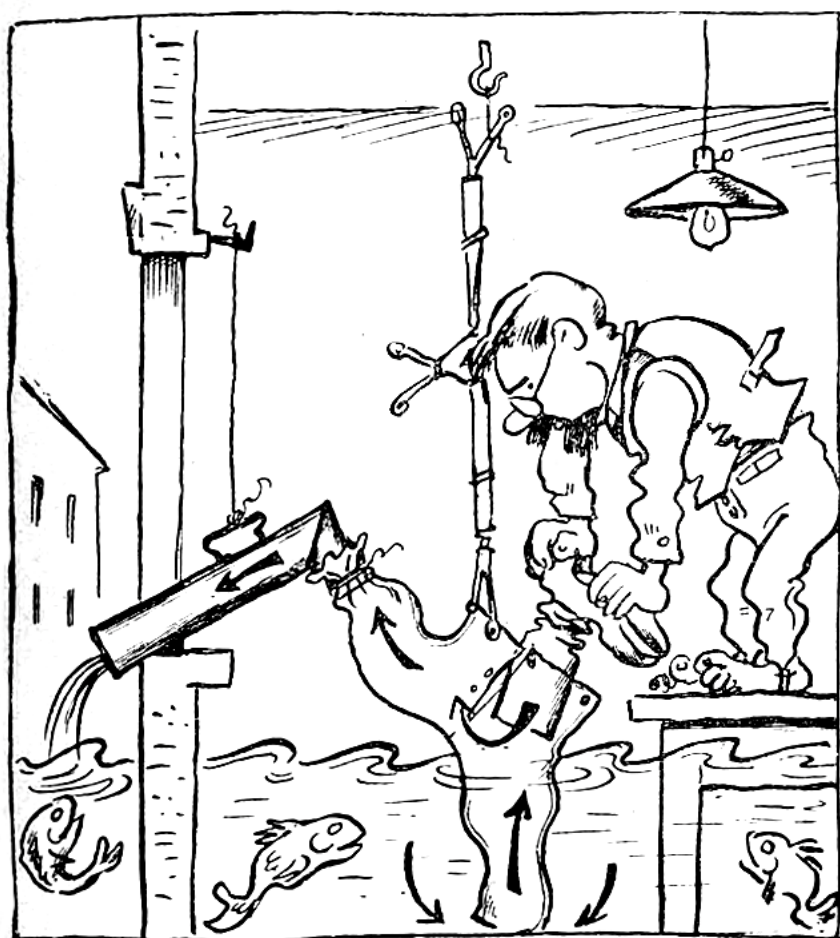
— Что это вы делаете, Емельян Емельянович? — спросила однажды Малявина, глядя на него с высоты своего табурета.

— Пустяки, Екатерина Сергеевна... Так... Модель... К осеннему сезону... Пустяки... Аппарат для борьбы с наводнениями.

— Неужели это возможно?

— Невозможного тут нет ничего. Особенно теперь, когда у нас в двух шагах Волховстрой...

Бородуля рассказал восхищенной Малявиной, в чем заключается его изобретение. Многого она не поняла, но главную суть уловила: у самого устья Невы ставятся конденсаторы огромной энергии, каждый в 50 тысяч лошадиных сил. Эти конденсаторы будут спо-

собны во всякое время создать искусственное движение воздуха, противоборствующее балтийским ветрам.

Малявина с благоговением взглянула на сидящего перед нею человека. Но Бородуля уже не слушал ее. Он снова погрузился в работу.

Его биография

Однажды Малявина сказала ему:

— Расскажите мне вашу жизнь! Я ведь ничего о вас не знаю. Где вы родились? Как вы стали профессором?

— Я такой же профессор, как вы! — сказал он. — Все мое образование — кухонное.

— Кухонное?

— Да. Моя мать была кухаркой у мадам Кирпиченко, а я слизывал с тарелок объедки. Вот и все мое образование.

— А потом вы поступили в гимназию?

— Вот моя гимназия! — сказал Бородуля, потрясая в воздухе «Занимательной физикой».

— И больше вы нигде не учились? — спросила Малявина.

— Учился! — ответил Бородуля. — Учился в слесарной мастерской на Путиловском, в тюрьме на Шпалерной и окопах на Карпатских позициях.

— Вы были на войне?

— Да, я попал в плен, в лазарет, и познакомился там с Фаффендорфером.

— Фаффен...?

— Дорфером. Это знаменитый австрийский ученый! Как же! Неужели не знаете? Башковитый человек — Фаффендорфер! Мы лежали с ним рядом на койках, и

он от нечего делать, от скуки целые дни подряд читал мне лекции по физике и химии. К тому времени я здорово научился говорить по-немецки.

И он опять с ребяческой хвастливостью взглянул на Малявину, после чего произнес какую-то длинную немецкую фразу, чтобы показать, как он хорошо говорит по-немецки.

— А потом? — спросила Малявина.

— А потом я попал в кабалу к этому... к Малатесте дель Бомба.

— К кому? — переспросила Малявина.

Но он не ответил. Он насупился и громко вздохнул. Очевидно, память о Малатесте дель Бомба была для него тягостным бременем.

Правый глаз у него нервно задергался, он махнул рукой. И вдруг захохотал.

— Чему вы смеетесь? — спросила Малявина.

— Здорово я раскокал вчера этих приезжих мошенников! — воскликнул он мальчишеским фальцетом. — Будут они помнить Бородулю!

Так Малявиной и не удалось узнать, каким образом Бородуля попал в кабалу к Малатесте дель Бомба.

Предательство

А между тем мистер Брэнч все еще сидит в «Европейской» гостинице и безутешно рыдает над своим спиртуозным молитвенником. Неужели он так и не найдет Бородулю?

Вдруг в комнату входит сладко улыбающийся господин с бакенбардами.

Все лицо посетителя испещрено синяками, но каждый синяк выражает нежнейшую симпатию к мистеру Брэнчу.

И, наклонившись к уху мистера Брэнча, он шепчет:
— Я знаю, где найти Бородулю!

Мистер Брэнч вскакивает и горячо пожимает посетителю руку.

— Где же, где же Бородуля? Говорите скорее!

Посетитель вынимает из жилетного кармана бумажку и подает ее мистеру Брэнчу. На бумажке четко написано: «Лахта, Болотная улица, дом Сиволайнена».

Мистер Брэнч горячо благодарит посетителя.

— Но, пожалуйста, чтоб ни одна душа! — говорит посетитель. — Это только для вас. По дружбе... Я раздобыл этот адрес за четыреста двадцать долларов.

Мистер Брэнч достает бумажник и щедро награждает незнакомца.

Через десять минут он в вагоне Приморской железной дороги, а еще через десять минут — на тихой, занесенной снегом Лахте.

К изумлению мистера Брэнча, вместе с ним из вагона выбежало пять или шесть иностранцев, у каждого из них была бумажка с тем же адресом и каждый из них стал торопливо расспрашивать, где находится дом Сиволайненов.

В испуге глядели жители Лахты на этих людей и шарахались в разные стороны.

Мистер Брэнч отстал. Проклятый чемодан! Зачем он взял с собою чемодан! Не нужно было брать чемодана!

Скоро мистер Брэнч совсем отстал.

Пройдя шагов двести, он так утомился, что бросил чемодан у дороги и в изнеможении сел на него.

Был ясный морозный день. Начинала светить луна. Мистер Брэнч сидел и курил. А потом вынул из чемо-

дана свой алкогольный молитвенник и набожно приложился к нему.

Вдруг он увидел, что по пустынной дороге бежит какой-то дикий человек и отчаянно машет руками, как бы отбиваясь от пчелиного роя.

Человек подбежал ближе и оказался Луи Сан-Бернаром. Лицо у него было так перекошено, словно он проглотил по ошибке динамитный снаряд, который сейчас же взорвется.

За Бернаром скакал фон Граббе, размахивая руками, как мельница, и ежеминутно приседая под каждым кустом.

Бешеным быком налетел он на мистера Брэнча, отшвырнул его в сторону и, молниеносно распахнув чемодан, сунул туда голову по самые плечи, словно спасая ее от смертельной опасности.

Его примеру последовали все остальные.

С изумлением смотрел на них ошарашенный мистер Брэнч. И в самом деле, не странно ли? — четыре человека стоят на коленях вокруг одного чемодана и суют головы внутрь, и бегут неизвестно куда! Издали кажется, что это бежит сам чемодан — восьминогий.

По чемодану барабанит дробь, будто кто-то невидимый сыплет на него целые тонны гороха.

А сзади никем не замеченный идет Бородуля и, толкая перед собой на салазках какой-то незамысловатый снаряд, вроде самой простой маслобойки, заливается отчаянным хохотом.

Рядом с ним — на лыжах — Екатерина Малявина.

— Что вы с ними сделали? — спросила Екатерина Малявина, когда он перестал хохотать.

— Вздор! — сказал он. — Детская забава! Это у меня называется «Персональный град номер восемь».

Неожиданный гость

Изобретение Бородули приближалось к концу. Он сидел, не разгибаясь, за столом и исписывал десятки страниц длинными и сложными формулами, в которые Малявина вглядывалась с почтительной нежностью.

В этот день ему было худо. Когда на следующее утро силы понемногу вернулись к нему, он, лежа в постели, произнес еле слышно:

— ГУТИВ!

Малявина не поняла.

— О чем вы говорите?

— Губернское Управление Туч и Ветров.

А потом взял Малявину за руку и сказал, улыбаясь:

— Только ради этого я и живу. Дайте только мне довести до конца мои опыты, и мы нынче же весною... вместе с вами... да... мы покажем Европе величайшее чудо, какого она еще никогда не видела: миллионы свободных и счастливых работников, для которых труд не проклятие, а радость. Пусть только овладеют они моим изобретением...

Но тут он остановился, потому что в дверь постучали.

Малявина открыла дверь и тихо вскрикнула: в комнату вошел Лейтес.

Он вошел не один, а с целой толпой вооруженных людей.

— Всякое сопротивление излишне! — сказал он торжественно. — Нам известно, кто вы такой. Вы — Иван Бородуля. У меня есть предписание произвести в вашем доме самый тщательный обыск.

Бородуля приподнялся на постели.

— Вы слишком рано пришли,— сказал он.— Я еще не кончил моего изобретения.

— Боюсь, что мы пришли слишком поздно! — мрачно отозвался Лейтес.

Судя по тому ордеру, который был предъявлен Бородуле, его обвиняли в целом ряде преступлений против Союза Советских Республик.

— О, как вы ошибаетесь! — сказала Малявина.— Уверяю вас, что нет человека, который был бы больше предан нашему новому строю.

— Здесь не место говорить об этом, — холодно прервал ее Лейтес.— Ваши показания будут заслушаны нами потом. А теперь, к сожалению, я принужден взять под стражу и вас.

Странно сказать, но Бородуля был очень обрадован, когда услышал, что вместе с ним арестована Екатерина Малявина.

— Вот и хорошо! — сказал он.

Все посмотрели на него с удивлением.

А через минуту он произнес еще более загадочную фразу:

— Вы напрасно защищаете меня, Екатерина Сергеевна. Я действительно во многом виноват.

Нумизматы

В Японии, в городишке Хирошима, тихо и скромно собрался съезд нумизматов.

Что такое нумизматы — вы знаете: коллекционеры монет, обтерханные старички, профессора, готовые всю душу отдать за какую-нибудь облезлую афинскую драхму или за израильский шекель времен Макка-

веев. Сами они бедны, как последние нищие, но в сухопарых чемоданчиках у них есть коробочки, а в коробочках вата, а в вате — бронзовые, серебряные, золотые кружочки с изображением Митридатов и Цезарей. По целым дням не расстаются они со своими сокровищами и не замечают, что на кончиках их сизых носов то и дело возникают светлые, прозрачные капельки, которые нет-нет да и падают на Митридатов и Цезарей.

Все они заядлые холостяки, мизантропы, не держат прислуги, столуются в гнусных харчевнях и по целым месяцам не меняют белья.

Но нет! Нумизматы, которые съехались в Хирошиму на всемирный Нумизматический съезд, оказались совершенно не похожи на тех, с которыми вы были знакомы доселе!

Кулаки здоровенные! Спины могучие! Зубы из самого чистого золота!

На открытии съезда виконт Шабукири приветствовал делегатов цветистой и затейливой речью. Потом встал сэр Джон Пудл-Лайт и сказал...

Словом, все было, как всегда в таких случаях. Но когда нумизматы остались одни, когда гости и газетные корреспонденты разъехались, вся зала огласилась дружным хохотом, и тысячи оскаленных зубов ярким светом озарили всю залу.

Хохотал Пудл-Лайт, хохотал Малатеста дель Бомба, хохотал виконт Шабукири, хохотали нумизматы Малафеев, Маклаков и Милашкин.

Вдруг Малатеста дель Бомба схватил графин и швырнул его в стену.

— Долой импотентов, страдающих разжижением мозга! Пора заняться настоящим делом. Я предлагаю себя в председатели! Кто не согласен, может откусить себе голову!

Читатель уже догадался, что под видом нумизматов в Хирошиму съехались фашисты всех стран. И все они с восторженным хохотом слушали ураганную речь Малатеста дель Бомба.

— Нас называют акулами! — кричал Малатеста дель Бомба. — Да, мы акулы, и да здравствует наш аппетит! Мы проглотили Европу, мы проглотили Америку, мы проглотили весь мир...

Ураганная речь продолжалась более часа. Все чувствовали себя триумфаторами. Но вдруг Малатеста дель Бомба скорбно поник головой и сказал тихим, страдальческим шепотом:

— Но мы не проглотили Россию.

Все мгновенно перестали хохотать. Спины сгорбились, глаза потускнели, на лбах появились морщины.

— Россия — наш единственный враг! — продолжал Малатеста дель Бомба. — И горе нам, если она победит!

— Горе!.. Горе!.. — пронеслось по рядам.

— Приближаются последние сроки! — вновь закричал Малатеста дель Бомба. — Завтра будет поздно! Да! Поздно! Потому что Россия растет с каждым часом. И у нас есть жуткий показатель ее зловещего роста. Имя ему — УРОЖАЙ.

— Урожай! Урожай! — унылым эхом пронеслось по рядам. — В России опять урожай.

— Да, в России опять урожай! — подхватил Малатеста дель Бомба и яростным жестом вырвал черную прядь своих великолепных волос. — Один урожай за другим! А вы помните, что сказал наш незабвенный Скотини: «Дайте России четыре урожая подряд, и она станет самой могучей державой под солнцем!»

— Что же делать? — завопили все.

— Не хныкать, а бороться! — закричал Малатеста дель Бомба.— Долой импотентов, страдающих разжижением мозга! Мы должны бороться с урожаем.

— Но это невозможно!

— Возможно!

Тут встал генерал Цыганеску и сказал, что у него есть отличное средство для борьбы с этим ужасным несчастьем.

— Блокада? — спросил чей-то голос.

— Нет!

— Интервенция?

— Нет!

— Что же? Говорите скорей!

— Бородуля! — сказал Цыганеску.

— Какая бородуля? О чем вы говорите? Мы не знаем никакой бородули!

Цыганеску объяснил в двух словах, что Бородуля — это фамилия одного его русского друга, который находится ныне в Швейцарии, что этот друг изобрел очень остроумный снаряд для управления ветрами и тучами, и что при помощи этого снаряда можно в ближайшую же весну похитить в любом хлебородном районе России все тучи.

— И не дать России дождя?

— Да! Ни одной капли дождя!

— И вызвать в ней засуху?

— Да! Засуху, голод и мор!

— Bravo! Bravo! Ура! Подавайте сюда Бородулю!

— Но, — замялся Цыганеску, — изобретение еще не доведено до конца. Изобретатель — простой украинский крестьянин, лишенный каких бы то ни было средств. Для окончания работы ему необходимо...

— Сколько? Сколько?

Цыганеску замялся...

Но тут встал председатель Клана и с достоинством заявил, что для борьбы с благосостоянием Советской России его Клан не остановится ни перед какими издержками.

— Ура! — закричали все. — Да здравствует Кэй-Кэй-Кэй!

Это было год тому назад. Теперь даже самому недогадливому из наших читателей ясно, каким образом Бородуля очутился в России и какова была ужасная миссия, возложенная на него нумизматами.

Суд идет

Все это оказалось до мельчайших подробностей известно т. Лейтесу.

Лейтес с самого начала разгадал, что Бородуля — слепое орудие в руках у врагов революции.

Улики, собранные т. Лейтесом, были неотразимы и грозны. Бородуля даже не пытался оправдываться. Он вообще был раздавлен: на допросах только плакал, как маленький, и, утирая глаза кулаком, бессвязно лепетал что-то жалкое.

Нечего и говорить, что весь город стремился попасть в зал суда. Толпа загрохотала набережную.

Ненависть к Бородуле в последнее время дошла до невероятных пределов.

— Что его, собаку, судить! — злобно кричали в толпе. — Головою в Фонтанку — и кончено!

Хорошо, что часовые повели его задворками. Иначе не миновать бы ему самосуда!

Зато Ян Шельмовский был введен в зал суда по-парадному. Он гордо выступал среди конвойных, словно

король среди свиты и, благосклонно взирая на толпу любопытных, разглаживал свои бакенбарды.

Суд тянулся долго: две недели.

В течение всего этого времени Бородуля, бледный, несчастный, взлохмаченный, сидел на скамье подсудимых, не смея поднять глаз на толпу, осматривавшую его с отвращением.

— Чует, что за такие дела не похвалят! — говорили в толпе.

И действительно, чуть только заговорил прокурор, все поняли, что Бородуле не будет пощады.

Прокурор задыхался от гнева.

— Много я видел бесчеловечных злодеев, — пронзительно выкрикнул он. — Они подкалывали ножами родных матерей, они взрывали динамитом поезда, наполненные мирными жителями, но такого изверга, как Иван Бородуля, я еще никогда не видел и, надеюсь, никогда не увижу!

— Верно! Верно! — подхватила толпа.

— Страшно подумать, — продолжал прокурор, — что было бы с нами и с нашей страной, если бы осуществились преступные замыслы этого ученого изверга. Выжженные нивы и пастбища!.. Иссохшие женские груди, не дающие ни капли молока умирающим от голода младенцам!.. Околевшие свиньи, коровы и лошади!.. Холера, сыпняк, поедание человеческих трупов... Вот чего добивался этот «великий ученый», вот зачем приехал он в родную страну!

— Верно! Верно! — закричала толпа.

Не виновен!

Но вскоре выяснилось, что Бородуля не виновен ни в чем. Правда, он прибыл на родину с самыми ужасными замыслами, но ни одного не привел в исполнение, так как тотчас же по приезде увидел, что наша молодая республика совсем не такова, какой ее малевали черносотенцы за границей. Он сразу влюбился в нее, и понемногу ему стало понятно, какую позорную роль хотели навязать ему враги его родины, посылая его похитить ее урожай. Он немедленно порвал с ними всякие связи. Они преследовали его, словно свора ищеек, но он, скрывшись от них в кладбищенском склепе, целые месяцы работал над усовершенствованием своего изобретения для блага Советской республики.

— Не в тюрьму мы должны сажать Бородулю! — воскликнул защищающий его правозащитник. — Мы должны низко поклониться ему от лица всех трудящихся и поблагодарить его за верную службу, просить, чтобы он передал в руки советских крестьян всю свою власть над стихиями.

Погода — земледельцу!

Бородуля — наш! Бородуля — с нами! Нам, нам передал он свою дивную власть над тучами, туманами, ветрами и волнами!

Радуйтесь, крестьяне Советской земли! Научная организация погоды даст вам такой урожай, о каком вы никогда и не мечтали.

Раскрывайте же пошире закрома и амбары! Побольше заготавливайте мешков для зерна! Хватит ли у вас сеялок? Хватит ли тракторов? Стройте, стройте новые мельницы! Потому что уже в ближайшее лето бородулизация погоды даст вам миллионы пудов ржи, ячменя и пшеницы.

И какое счастье для вас, что вы — крестьяне Советской земли!

Если бы Бородуля отдал свое изобретение в руки какого-нибудь другого правительства, его изобретение стало бы новым орудием для эксплуатации трудящихся. Им завладела бы небольшая кучка биржевых аферистов и стала бы для своих коммерческих выгод устраивать такую погоду, какая нужна в этот день той или иной капиталистической шайке.

Крупные аграрии отняли бы у малоземельных крестьян всю необходимую для урожая погоду — и тем скорее привели бы страну к разорению.

Только у нас рабоче-крестьянская власть могла грозно сказать этим темным дельцам:

— Руки прочь от погоды!

И провести в жизнь великие лозунги.

— Погода — земледельцу!

— Разверстка погоды должна быть предоставлена пахарю!

Недовольные

Да, пахарю, и больше никому!

Ибо лишь тогда процветает государство, когда в нем распоряжаться погодой будут крестьяне — и только они.

Вначале это было усвоено далеко не всеми советскими гражданами.

К Бородуле то и дело являлись какие-то хитроумные люди и сладким шепотом искушали его отклониться от этого строгого принципа.

Не дальше как вчера к нему в его рабочий кабинет вошел какой-то чернобородый мужчина и сказал односложно:

— Трум!

— Не понимаю.

Мужчина взглянул на него с сожалением.

— Самое русское слово. Его, извините, всякий молокосос понимает.

— А что оно значит?

— Трест Уличных Мороженщиков! Трум!

— Вот оно что! — радостно протянул Бородуля. — Я очень люблю мороженое.

Увидя на лице Бородули улыбку, чернобородый зашептал скороговоркой:

— Нельзя ли нам градусов восемь накинуть? Чтобы публика, извините, взопрела...

— Взопрела? Почему? Для чего?

— Для мороженого. Публика, если взопреет, очень даже обожает мороженое. Нам бы градусов восемь, и мы на одном только сливочном заработали бы червей пятьдесят.

Бородуля понял. Мороженщики ради своих барышей желают отнять у крестьян то тепло, которое необходимо для посевов.

— Не могу! — сказал он. — Не могу!

— Если не можете восемь, ну дайте хоть семь... ну хоть шесть!

— Не могу! — отвечал Бородуля.

— Ну хоть пять!

— И опять не могу! — отвечал Бородуля.

И он молча указал представителю Трума на висящий в комнате плакат: «Погода — деревне!»

Представитель Трума нахлобучил картуз и ушел, сердито стуча сапогами.

А к Бородуле, скользя по паркету, влетели толпою стройные и румяные юноши и сказали, улыбаясь во весь рот:

— За что вы нас, товарищ, обижаете? Чем мы перед вами виноваты?

— Что такое?

— Мы — ленинградский союз конькобежцев. Завтра у нас состязание. А лед на катке, как кисель!

— Как кисель? Чего же вы хотите?

— Нам бы три градуса ниже нуля! Иначе все наше состязание — к чертям!

— Я сам люблю кататься на коньках, — улыбаясь, сказал Бородуля. — И на лыжах... Но...

И он указал на плакат.

Конькобежцы в одно мгновение исчезли.

А потом пришли меховщики. Они были очень напуганы.

— Что же это будет? Куда же мы денемся? Камень на шею — да в воду?

— О чем вы говорите? — спросил Бородуля.

— Известно о чем! Плакали наши каракули!

Оказалось, что в городе ходят упорные слухи, будто правительство намерено в ближайшее же время превратить Ленинград в Евпаторию, а ленинградскую погоду отодвинуть подальше на север.

— Тогда нашему делу — каюк, — мрачно говорили меховщики. — Потому что если Ленинград — Евпатория, тут не только шубу, а и штаны с себя снимешь.

— Успокойтесь! — сказал Бородуля. — Насколько мне известно, такой проект еще не возбуждался.

Меховщики вздохнули с облегчением.

На пути к ГУТИВу

Вскоре после оправдания Бородули в Москве открылся съезд агрономов.

О, как неистово захлопали заскорузлые руки, когда председательствующий, открывая съезд, сказал:

— Здесь среди нас находится наш гениальный самоучка Бородуля.

Бородуля встал и хотел сказать несколько слов, но, чуть толпа увидела его, аплодисменты снова загремели с такой оглушительной силой, что, казалось, в залу ворвался океан.

Тысячи благодарных и любящих глаз загорелись восторгом.

Бородуля открыл рот и хотел что-то сказать, но от волнения залепетал, как потерянный:

— Я... Вы... Мы... Мы вместе... Мы такую... Мы так...

И улыбнулся беспомощной детской улыбкой, словно собираясь заплакать.

Эта улыбка очаровала толпу. Все зааплодировали так, что, казалось, люстра сорвется.

— Милый!.. Милый!.. Милый!.. — шептала, сама того не замечая, Малявина. Она сидела за колонной на хорах, и глаза ее тихо светились.

Съезд агрономов энергично взялся за работу.

Работа предстояла колоссальная: нужно было взять на учет атмосферные осадки страны и разверстать их между всеми губерниями.

К работе были привлечены наиболее выдающиеся профессора сельскохозяйственных ВУЗов.

Под их руководством представители каждой губернии устанавливали, сколько для данной губернии требуется атмосферных осадков, чтобы обеспечить наи-

высший урожай, причем для каждой волости устанавливался наиболее рациональный порядок дождливых и ведренных дней.

Разработанные таким образом все таблицы и схемы были разосланы по земотделам для подробного рассмотрения их самими крестьянами.

Если крестьяне одобряли предложенную им разверстку погоды, эта разверстка утверждалась правительством и считалась обязательной для данной губернии.

Ею должен был руководиться местный ГУТИВ. Под страхом суровой кары заведующие ГУТИВАМИ не имели права ни на йоту изменять по своему усмотрению предписанную законом погоду.

Строгие наказания угрожали и тем, кто заменял погоду в интересах городских обитателей.

Ведь для деревни та или иная погода есть вопрос жизни и смерти, а для города это прихоть, от которой легко отказаться.

Все сознательные граждане понимали, что рационализация погоды в деревне означает быстрое обогащение всей страны. Ибо когда у крестьянина урожай, у рабочего есть и работа, и хлеб.

Только при таком мудром отношении к делу можно было извлечь максимальную выгоду из научной организации погоды.

На съезде научную организацию погоды именовали для краткости НОП. Один орган четко формулировал общую мысль:

— Для города НОТ! Для деревни НОП!

Эта фраза сделалась крылатой. Все газеты подхватили ее.

Работа съезда захватила Бородулю. С утра до ночи заседал он во всевозможных комиссиях. Наконец 28

марта в Москве на Волхонке состоялось открытие первого центрального ГУТИВА.

Очень был польщен Бородуля, когда, подъехав на обтерханных дрожках к этому огромному белому зданию, он увидел на его фронте золоченую надпись, ярко сверкающую под лучами весеннего солнца:

**ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ТУЧ И ВЕТРОВ
имени ИВАНА БОРОДУЛИ**

— Видишь,— сказал он извозчику.— Там написано Иван Бородуля. А Иван Бородуля — я!

— Надо бы, барин, прибавить, — отозвался извозчик.— Сами видели, какая дорога.

Центральный ГУТИВ

Бородулю встретили восторженно. Лучшие ораторы в целом ряде речей осветили великое значение его изобретения. Прекрасную речь от имени Академии наук сказал академик С. Ф. Ольденбург:

— После того как погода подчинится Госплану, крестьянин будет обеспечен урожаем на тысячу лет вперед. Неурожайные годы отойдут в область предания. ГУТИВы и трактора так преобразят его жизнь, что отныне он быстрыми шагами пойдет к просвещению в творческой культурной работе.

— Верно! Правильно! — кричал Бородуля.

Он был страшно взволнован и вел себя весьма не-солидно. Перебегал с места на место, хлопал в ладоши, открыто радовался каждой похвале — так и расплывался в улыбке, когда произносили его имя.

А когда Общество Любителей Архангельской флоры поднесло ему почетную золотую медаль, где была выбита надпись

*Славься, народу
Давший погоду!*

— он гордо взял эту медаль и повесил себе на шею.

Замечательно, что в этих несолидных поступках не было и тени шутовства. Они были естественны, как поступки ребенка. Это чудесно почуяла наполнившая зал молодежь, которая никому не простила бы кокетства и фальши.

Когда Бородуля в ответ на одну приветственную речь откровенно сказал: «Мне очень приятно, что я такой знаменитый», все засмеялись безо всякой иронии.

Вообще чествование вышло на славу. Аудитория загудела от радости, когда встал один даровитый поэт и продекламировал такие стихи:

Отолью я вам, товарищи, пулю,
Расскажу я вам про Бородулю.
Изучил Бородуля науки
И начал выделять штуки:
На самое небо Иванушка влез
Да и выгнал господа бога с небес.
И давай устраивать погоду
Простому народу в угоду.

Чтоб и думать забыл народ
Про голодный год и недород.
Велика крестьянину помога
От нашего сермяжного замбога.

— Чудесно! — сказал Бородуля. — Я только не понимаю, какая такая замбога...

— Замбог — заместитель бога! — закричала толпа.

Бородуля приосанился и важно поправил медаль.
В эту минуту он чувствовал себя новым Саваофом.

Последний угол

(Несколько слов о «Бородуле»)

«Бородуля ж. новг. мужлан, бородатая баба, мужевидная женщина. Бородуля не мужик».

Эту ценную информацию сообщает нам словарь Даля. Фамилия «Бородуля» нет-нет, да встречается. Подслушал К. И. Чуковский новгородский говор, услышал где-то занятную фамилию – и...

Ничего подобного. Чуковский, почитатель и исследователь творчества Некрасова, позаимствовал «бородулю» прямоком из набросков к поэме «Без роду, без племени» (1877). Некрасовский бродяга «без роду, без племени» находчиво отвечает грозному начальнику:

Меткое, как пуля,
Слово под конец:
«Кто ты?» – «Бородуля!» –
Прыснул! «Молодец!»

«...начальству смешно, и бродяга обошелся без наказания», – пояснял Некрасов А. Н. Пыпину. И дал сноску: «Бородуля – баба с бородой».

Вторая половина 1925 г. выдалась тяжелым для Чуковского временем – «Крокодил» и «Муха-Цокотуха» были запрещены, фининспекция конфисковала мебель... Дневник Чуковского переполнен в те месяцы неврастеническими описаниями подлинных и мнимых болезней: «Я все еще лежу (малокровие)...», «Лежу в инфлуэнце», «Болит правое ухо, правая часть головы, ни читать, ни писать, умираю...», «Бессонница. Нарывает мизинец на правой руке. Болит ухо. Болит сердце. Такое чувство, будто вся кровь у меня выпита» и пр.

Работать над «Бородулей» Чуковский начал летом 1925 г. в очевидной надежде поправить свои житейские и литературные обстоятельства. «Пишу свой идиотский роман, – левой ногой – но и то трудно» – заносит он в дневник 5 сентября. К ноябрю роман обрел название: «Роман мой “К К К” все еще не кончен» (запись от 4 ноября). Самая пространная запись о романе была сделана 17 декабря:

«Только что написал в своем “Бородуле” слова: *Конец пятой части.*

Три четверти девятого. Ура! Ура! Мне осталась только четвертая часть (о суде), за которую я даже не принимался. И нужно вы править все. И боюсь цензуры. Но главное сделано. Вся эта вещь написана мною лежа, во время самой тяжелой болезни. Болезнь заключается в слабости и, главное, тупости. Больше 5 часов в течение дня я туп беспросветно, мозги никак не работают, я даже читать не могу.

Лежать мне было хорошо. Свой кабинет я отдал Коле на день и Бобе на ночь, а сам устроился в узенькой комнатке, где родилась Мура, обставил свою кровать табуретом и двумя столиками — и царапаю карандашом с утра до ночи. Трудность моей работы заключается в том, что я ни одной строки не могу написать сразу. *Никогда я не наблюдал, чтобы кому-нибудь другому с таким трудом давалась самая техника писания.* Я перестраиваю каждую фразу семь или восемь раз, прежде чем она принимает сколько-нибудь приличный вид. Во всем “Бородуле” нет строки, которая была бы сочинена без помарок. Поэтому писание происходило так: я на всевозможных клочках писал карандашом черт знает что, на следующий день переделывал и исправлял написанное, Боба брал мою исчерканную рукопись и переписывал ее на машинке, я снова черкал ее, Боба снова переписывал, я снова черкал — и сдавал в переписку барышне «Красной газеты». Оттого-то в течение 100 дней я написал 90 страниц, — т. е. меньше страниц в день в результате целодневного и ежедневного напряженного труда. Ясно, что я болен. У меня вялость мозга. Но как ее лечить, я не знаю».

Как и почему роман «К. К. К.» стал «Бородулей», нам предстоит увидеть. А пока что идут переговоры с редакцией «Красной газеты». Несмотря на все трения Чуковского с цензурой и литературными чиновниками, редакции очень хотелось бы подписать

публикацию именем популярного писателя. Чуковский непреклонен. 25 декабря он записывает в дневнике:

«"Бородуля" у меня написан почти весь — I, II, III, V части и эпилог. Был у меня вчера Мак из «Красной», убеждает меня дать свою фамилию, но я не хочу. Доводы я ему привел, не скрывая. Сейчас вышла книга Боцяновского о 1905 годе. Там была заметка обо мне. Госиздатская цензура выбросила: "Не надо рекламировать Чуковского!" В позапрошлом году вышла моя книга о Горьком. О ней не было ни одной статейки, а ее идеи раскрадывались по мелочам журнальными писунами. Как критик я принужден молчать, ибо критика у нас теперь рапшовская, судят не по талантам, а по партбилетам. Сделали меня детским писателем. Но позорные истории с моими детскими книгами — их замалчивание, травля, улопложение — запрещения их цензурой — заставили меня сойти и с этой арены. И вот я нашел последний угол: шутовской газетный роман под прикрытием чужой фамилии. Кто же заставит меня — переставшего быть критиком, переставшего быть поэтом — идти в романисты! Да я, Корней Чуковский, вовсе и не романист, я *бывший* критик, бывший человек и т. д.»

Начало публикации романа было намечено на 25 января 1926 года. Чуковский ждал этого дня с нетерпением, однако писателя постигла очередная неприятность... Обратимся вновь к дневнику (запись от 24 января 1926):

«Оказывается, в Ленинграде бумажный кризис. Нет ролевой газетной бумаги. Образовалась особая комиссия по сокращению бумажных расходов — и эта комиссия, вначале решившая закрыть одну из вечерних газет, теперь остановилась на том, чтобы предоставить каждой газете не шесть и не восемь страниц, а *четыре*! Вследствие этого для моего романа нет места! Роман отлагается на неопределенное время».

Наконец, 15 мая 1926 г. в вечернем выпуске «Красной газеты» началась публикация многострадального «Бородули». Роман печатался микроскопическими порциями до 18 июня («"Бородулю" я, было, начал читать, но давалось это в газете такими кро-

шечными огрызками и огарками, что я со второго же номера бросил: это все равно, что чайной ложкой щи хлебать» – писал Чуковскому Е. Замятин). А далее последовал взрыв.

Все дело в том, что публикация романа сопровождалась своеобразной литературной игрой. Чуковский дал в газете предисловие к роману, где уверял, что эту диковую фантастическую прозу ему принес «курчавый брюнет», сочинитель стихотворных реклам. Редакция, в свою очередь, высказывала обоснованные «подозрения»: роман написал Чуковский («его стиль, его язык»). Никак нет, твердил Чуковский, «имя подлинного автора – Ермолай Натошак». «Еще в двух номерах редакция препиралась по этому поводу с Чуковским, а затем началась публикация “Бородули” – но под именем “Аркадий Такисяк”!» – отмечает автор ЖЗЛовской биографии Чуковского (М., 2006) И. Лукьянова.

Вероятно, затеян был весь аттракцион ради разоблачения: в конце на сцену должен был выйти сам Чуковский. Но писатель, возмущенный редакционными правками и переделками, взбунтовался, о чем свидетельствует его гневное письмо к Замятину от 20 июня 1926 г. Ниже приведены интересующие нас отрывки из этого документа; упоминаемый в тексте «Петр Иванович» – П. И. Чагин, в 1926-1927 гг. редактор «Красной газеты».

«Дорогой Евгений Иванович,

Мне хочется Вам рассказать о той невероятной расправе, которую “Вечерняя Красная” творит с моим бедным романом “Бородуля”. Я не узнаю в этом романе ни одной моей строчки. Каждый день редакция коверкает его *ad usum Delphini* («для пользования дофина», т.е. по цензурным соображениям – М. Ф.). Так как мне, весьма возможно, придется обратиться в Союз Писателей для защиты своего доброго имени, позвольте сообщить Вам – на всякий случай – то письмо к редактору «Красной Газеты», которое я отправляю сейчас. Вот оно:

«Многоуважаемый Петр Иванович. Я ничего не имел против того, чтобы мой “Бородуля” печатался под моим именем. Но тогда он должен печататься без всяких изменений. Теперь же, после того, как этот роман варварски исковеркан и скомкан, ставить на нем мое имя нельзя. Никто не имеет права приписывать мне того Бородулю, который печатается до сих пор в Вашей газете. Я разрешаю Вам (если у Вас есть неперемнное желание сделать мне неприятность) печатать конец этого романа под моей фами-

лией, но при этом ставлю непременно условие — печатать все полностью, не изменяя ни одной строки. Я отвечаю за то, что подписано моим именем.

Если редакция хотела что-нибудь изменить в моей вещи, у нее было для этого достаточно времени. Больше полугода рукопись “Бородуля” находилась у Вас в руках — и так как в течение этого времени я часто бывал у Вас в редакции, то случаев для *совместных* изменений романа у Вас было огромное множество.

Итак: или — или. Или печатаете мою рукопись полностью, но без изменений, под моей фамилией. Или искажайте ее и впредь, но не приписывайте мне ее авторства.

Вот. “Бородуля”, быть может, вопиюще плох, но он совсем не таков, каким сделала его редакция “Красной Газеты”, сочинившая его заново и вдруг ни с того ни с сего объявившая публике, что я автор именно этого вздора, который принадлежит ей, я не мне.

Насилие над литературой и литераторами становится воистину чудовищным».

Документ примечательный: Чуковский «часто бывал в редакции». И целый месяц никак не возражал против «варварских» искажений. В конце концов, роман написал-то вовсе не он, а «Натощак» или «Такисяк» — и что с того, что мистификация была на редкость прозрачна...

«В общем, видно, конечно, что повесть писана абы как: в ней герои берутся ниоткуда и пропадают никуда, поступки их часто немотивированны, сюжет кое-как сметан на живую нитку, за любую деталь возьмись <...> — и нет ответа. Иногда кажется, что с увлечением писалось, а иногда — что со злостью: вот, нате вам, только отстаньте, посмотрите, что вы со мной сделали!» — пишет Лукьянова.

Все это так — и не так. Иначе Чуковский не привлекал бы внимание коллег-литераторов к халтурному и проходному тексту, не упоминал бы о нем так часто в дневнике, не пытался бы — на протяжении десятилетий! — вернуться к замыслу романа, пьесы или сценария об управлении погодой.

Сюжет сметан на живую нитку? Герои исчезают в никуда? Да неужели Чуковский, затратив более четырех месяцев на несколько десятков страниц текста, был не в состоянии заметить все сюжетные неувязки, все необъяснимые пропажи и появления персонажей? Полнейший абсурд. Исправить эти недостатки было нетрудно – стоило только захотеть. Но Чуковский не захотел.

Не захотел же он потому, что «Бородуля» – вещь игровая и в первую очередь пародийная, и ее «абы каковость» и халтурность вызваны свойствами объекта пародии. Объект этот – многие действительно халтурные научно-фантастические и авантюрно-приключенческие вещи эпохи. Все штампы подобных произведений – гениальный изобретатель, злые капиталисты, коварные шпионы, роковые красавицы, пронизательные чекисты и леденящие кровь схватки – Чуковский едко и зло обыгрывает (давно замечено, что авантюрно-фантастическая проза периода часто пародировала сама себя).

Пародируется в «Бородуле» и «сыщицкая» дореволюционная проза, а ее-то автор «Ната Пинкертона и современной литературы» знал очень хорошо. Сцены в кладбищенском склепе пестрят традиционными «пинкертоновскими» ходами; доморощенный гений сыска, пьянчуга Чугунов, напоминает такого героя бульварной «сыщицкой» литературы, как Иван Путилин (разгадка проста: *Чугунов* – *чугун* – металлургия – *Путиловский* завод).

Пародируется атмосфера партийных собраний, торжеств и чествований. Пародируются футуристы. Фашист Малатеста дель Бомба и его «ураганные речи» – это не только Бенито Муссолини, но и Филиппо Томмазо Маринетти:

«— Нас называют акулами! – кричал Малатеста дель Бомба. — Да, мы акулы, и да здравствует наш аппетит! Мы проглотили Европу, мы проглотили Америку, мы проглотили весь мир...»

Акулы капитализма? Как бы не так! Это – Давид Бурлюк:

Я бросаю гордый клич
Этот краткий спич!
Будем кушать камни травы
Сладость горечь и отравы
Будем лопать пустоту
Глубину и высоту
Птиц, зверей, чудовищ, рыб,
Ветер, глины, соль и зыбь!
Каждый молод молод молод
В животе чертовский голод

Все что встретим на пути
Может в пищу нам идти.

Пародируется Демьян Бедный – «один даровитый поэт» финала романа. Его ода Бородуле безошибочно указывает на прототип. Но в эту оду Чуковский включил некрасовскую рифму «пуля-Бородуля», будто указывая читателю, где нужно искать.

Поищем. «С самим Бородулей Чуковский даже поделился своей биографией: сделал его самоучкой, чья мать была кухаркой у мадам Кирпиченко, подарил между делом опыт пребывания в тюрьме на Шпалерной, наделил собственной несолидностью, детскостью, непоседливостью» – пишет Лукьянова. «Пожалуй, он и сам хотел бы быть таким волшебником, который радует людей долгожданными дождями, дарит им солнце, может насрать на нехорошего человека персональный град».

Нельзя не согласиться. Только что же у нас получается? А получается, что Бородуля приносит детскую, игровую («карнавальную»), как сказал бы последователь Бахтина) природу своего изобретения, своего дара в жертву директивам, ГУТИВам и разверсткам. Идет на компромисс. Как и Чуковский. Он ведь не воин, а так – литератор, «бородуля». Далеко искать не к чему – вот как полностью звучит некрасовская строфа:

«Кто ты?» – «Сочинитель!
Подлинно что так».
Меткое, как пуля,
Слово под конец:
«Кто ты?» – «Бородуля!» –
Прыснул! «Молодец!»

И начальству смешно, и бродяга обошелся без наказания... Кстати сказать, компромисс с «Красной газетой» был найден и 22-25 июня 1926 г. в газете появилось окончание «Бородули». Редакция предварила его заметкой «Исчез бесследно Аркадий Такисяк!» (22 июня). В ней некто «А. Неунывающий» извещал читателей, что окончание романа написано К. И. Чуковским.

Текст «кино-романа» К. Чуковского «Бородуля» приведен по републикации И. Адриановой (журнал «Природа и человек», 1987, № 11-12). Рисунки Н. Радлова взяты из созданной им совместно с М. Зощенко книги «Веселые проекты: (Тридцать счастливых идей)», которая была издана «Красной газетой» в Ленинграде в 1928 г. На фронтиспise – фрагмент иллюстрации И. Гончарука к журнальной републикации романа.

Оглавление

Бородуля

Часть первая 7

Часть вторая 39

М. Фоменко. Последний угол (Несколько слов о
«Бородуле») 69

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.